

О культуре и бескультурье в церковной жизни

Православие.Ru / Мониторинг СМИ, 19
марта 2009 г.
<http://www.pravoslavie.ru/smi/1024.htm>

Протоиерей Артемий Владимиров
Источник: Православие и современность // http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6293&Itemid=3

В Церковь приходят совершенно разные люди с разным уровнем культуры. И речь идет не об образованности и эрудированности. Далеко не всегда человека, обладающего знаниями, можно назвать культурным. Иногда тот, у кого за плечами несколько лет средней школы, не позволит себе толкнуть стоящего рядом в храме или сделать кому-то резкое замечание, в отличие от того, кто защитил докторскую диссертацию и свободно говорит на нескольких языках.

Что такое культура в христианском понимании этого слова? Из чего она складывается? Об этом размышляет известный московский священник, автор многих литературных произведений, настоятель храма Всех Святых в Красном Селе протоиерей Артемий Владимиров.

Просвещенность ума и сердца

Христианство, явив себя миру через бытие Церкви, явило этому миру особую, дотоле неведомую и невиданную культуру. Христианская культура — вот словосочетание, которое у всех на устах. И я склонен думать, что это всего прежде этическое понятие. Потому что Христос, предлагая человеческой личности свои заповеди, равно и христианство, призывая человечество к верности нравственному закону, возводит и личность, и человечество на высоту особой культуры, где нет места аморальной грязи, сквернословию, распутству, ненависти и злобе, но есть место чистой нравственности, одушевленному милосердию и любви в ее самом-самом высоком смысле.

Человек нравственно чистый, движимый любовью к ближнему, устремленный духом к Богу — человек культурный. Соединим с этим понятие о христианском просвещении. Христианство, просвещая большие и малые народы, всегда либо воспринимало и облагораживало, как это было с античной культурой, быт, нравы народа, творчески усваивало его интеллектуальные богатства, очищая от языческих примесей, либо создавало эту культуру, и всего прежде письменность, у народов малых, находившихся за обочиной исторического бытия.

Христианство — книжная культура, своим средоточием имеющая ведение Писания. Это древнееврейский текст Библии, это Септуагинта (Священное Писание, переведенное на греческий язык, язык образованного мира, античной вселенной), это, наконец, Вульгата (Священное Писание, переведенное на латынь, язык вечного города Рима). Это, конечно, переводы, сделанные Кириллом и Мефодием и оформившиеся в так называемую Геннадьевскую Библию в XVI веке, благодаря деятельности святителя Геннадия Новгородского, подарившего славянскому миру полный текст священных книг Ветхого и Нового Завета. Вот основа основ христианской культуры, которая всегда способствовала появлению филологических, переводческих школ. И нужно быть полным обскурантом или лжецом, чтобы утверждать, будто Церковь сковывала развитие внешней культуры, искусства, науки. Потому что исторический опыт и христианские цивилизации — и Византии, и России

— говорят об обратном.

Христианская культура — это культура, призывающая человека к просвещению, к расширению его интеллектуального горизонта. В этом смысле входя в Церковь, мы все ощущаем собственное бескультурье, ограниченность, скудость своих знаний. И светских, и церковных. Действительно, мы были оторваны в лице наших родителей и дедов от церковного мира, и поэтому нам приходится заново «открывать Америку», вживаться в мир Церкви, постигать сокровищницу знаний, накопленных Церковью за два тысячелетия. Прежде всего я имею в виду святоотеческие труды, саму историю Церкви, историю существования христианских монархий, всемирную историю, которая является лучшей учительницей и которая раскроет нам тайны бытия Церкви во времени и пространстве.

Христианская культура — это, несомненно, культура ума, усваивающего все лучшие плоды человеческого знания и вместе с тем осознающего ограниченность этих знаний в свете Божественного Откровения, которое приоткрывает нам завесу и запечатлевает в нашем сердце истину о том, что было, о том, что есть, и о том, что будет.

«Жил-был мних...»

Святой Иоанн Кронштадтский говорит в одной из своих заметок, что каждый талант (а у нас у всех по несколько талантов) должен быть, как и каждый член тела, постоянно развиваем. Мы должны работать, упражняться в каждой добродетели, или в свойстве личности, или добром качестве нашей натуры. И если мы не будем упражнять ухо, язык, ногу, руку, то может произойти атрофия телесного члена, что и наблюдаем с малыми детьми: сиротами, малютками, оставленными без попечения, которые остаются недоразвитыми, не имея врожденных недостатков. То же самое относится и к душевным талантам и способностям.

Я с тревогой подмечаю в себе самом справедливость такого церковного присловия: «Жил-был мних, имел сто книг, спал на них, не знал, что в них». И действительно, наш чересчур шумный, компьютеризованный XXI век отшибает вкус к чтению. Если мы, консерваторы XX века, уже имеем определенную устойчивость в отношении книжной культуры, и книга является для нас лучшим другом, хотя бы потому, что мы можем вместо подушки использовать ее и быть спокойны: рядом твой любимый писатель, то молодежь, проглоченная компьютерными мышками и ушедшая в виртуальное пространство, в отношении книжного знания является искаленной. Это отражается на ее культуре. Мы действительно не без страха (говорю от имени родителей, педагогов) наблюдаем это массовое бескультурье, анализируя мысли, чувства, желания, стиль одежды, поведения подрастающего поколения. Человек, входящий в Церковь, приохочивается к книге, к книжному знанию, к тексту, к сакральному тексту хотя бы по необходимости читать утреннее и вечернее правило, читать главу Евангелия.

Я вижу некоторых прихожан, неповинных в сношениях с компьютерами, которые не привыкли читать. Некоторые дамы среднего и пожилого возраста. У них засаленный молитвослов, иногда до неприличности, разбухший от каких-то вставок, каких-то маленьких текстов, но при этом они, видимо, с детства не приохочены были к святоотеческому чтению. И вы знаете, это дает свой горький плод. Я вижу, что души, не любящие книгу, не умеющие размышлять над прочитанным, соответственно, не имеющие восхождения в постижении идеала христианской жизни, бывают очень косными, инертными, неудобоподвижными в отношении изменения от худшего к лучшему.

Многие отмечают, что «культурный» означает по латыни «возделанный» — «участок земли, возделанный плугом, мотыгой, тяпкой». Культурный человек — человек с возделанным сердцем. Тот, кто долгим опытом борьбы возвысился над злом, кроющимся в душе всякого.

Квинтэссенция зла — в нашей гордыне, помноженной на гнев и похоть — разрушительные начала, которые ныне разъедают отступившее от Христа человечество. Вот почему, говоря об

истинном христианине, мы (так, по крайней мере, обстоит дело в России) помышляем о чеховском интеллигенте, в котором все должно быть прекрасно: и костюм, и слово, а прежде всего душа с чистыми человеколюбивыми помыслами. Говоря о культурном христианине, мы помышляем и о просто патриархальном крестьянине, образ которого запечатлен у Ивана Сергеевича Тургенева в его знаменитых «Записках охотника». Или у Льва Николаевича Толстого в его «Севастопольских» и иных рассказах, в «Воине и мире».

Жить без идеала нельзя. Поэтому о нем можно и должно говорить, отыскивать этот идеал в житиях святых, в русской классической литературе, которая любила запечатлевать образ праведников. Вспомним рассказы Лескова. И когда этот идеал утвержден в сознании, тогда легко говорить о том, что не соответствует в нас этому идеалу. И поэтому сегодня, беседуя о просвещенности, а слово «интеллигенция» соотносимо именно с этим латинским значением, будем делать соответствующую коррекцию. Ибо ни для кого не секрет, чем Россия обязана так называемой интеллигенции, кичившейся своей мнимой просвещенностью и знакомством с западными либеральными идеями, но при этом отчужденной от света и нравственного тепла матери-Церкви.

Отчасти это же можно сказать применительно к советской интеллигенции. Хотя здесь достаточно зыбкая грань, потому что наш народ во многом хранил и в советскую эпоху тот нравственный потенциал и подлинную просвещенность ума и сердца, которыми он обязан христианской культуре. Но что касается советских амбициозности, хамства, карьеризма, бездушия, грубости, то, к сожалению, в той или иной степени все мы носим в себе эти родимые пятна. И это как раз языческий субстрат, который христианин призван изживать из собственного сердца огнем и мечом. И прежде всего наш «рацио» — наш бедный и несчастный интеллект.

Многие, наверное, помнят, как в XX веке ничтоже сумняшеся писали в журналах «Знание — сила» и поставляли на пьедестал тот тусклый светильник, который называли человеческим разумом, преждевременно объявив его господином вселенной, преобразователем природы, первооткрывателем космических тайн, чуть ли не залогом бессмертия человеческой личности.

И многие, входя в Церковь, еще не ведая высоты и глубины христианской жизни, не начав еще трудиться над пересозиданием собственного испорченного самолюбием, тщеславием, гордыней сердца, думают отыскать в духовном солнце пятна, не замечая при этом, как смердит и коптит упомянутый мною светильник слабого человеческого ума. И таковым выскочкам, скорохватам, полужнатокам, полуневеждам, отгораживающимся ладонью самолюбия от источника света — Христа-Спасителя — очень непросто воцерковиться, стать по духу христианами. Почему? Они все подвергают в Церкви той разъедающей критике, которою болел известный герой русской литературы Базаров, любивший разлагать человеческие чувства и эмоции на атомы.

Желание подогнать под себя церковные истины, догматы, каноны, обычаи, устав характерно для помраченного гордыней ума человека. Неоперившийся птенец, еще не очистивший свое сердце и не познавший Господа, норовит встать в число реформаторов, «преобразованцев, бытоулучшителей», по слову преподобного Серафима Саровского. И если это смешно в миряnine, то сугубо пагубно в лице, облеченном саном священнослужителя. Последние преимущественно причиняют скорбь матери-Церкви, вводя в нее невиданное и неслыханное, чуждое ей по духу и смыслу, «прельщая умы незлобивых», по слову святого апостола Павла.

Таким деятелям нужно давать церковную епитимию — со вниманием читать и перечитывать дневник святого праведного Иоанна Кронштадтского, который настолько возделал, окультурил свое сердце, что оно стало плодоносным садом добродетели, чистоты, кротости, смирения, мужества, мудрости, любви,— сердце, которое порывалось непрестанно славить Бога и воспевать хвалу матери-Церкви. Будучи плоть от плоти и кость от кости матери-Церкви, святой праведный Иоанн Кронштадтский был подлинным носителем христианской

церковной культуры.

О культуре пастырского служения

Если считать, что Церковь — это «я, ты, он, она, вместе — целая страна», это собрание крещеных людей, главою которого является Христос, то снижение нравственных и эстетических критериев грозит растрением умов и сердец. А растрение и безбожие — это родные сестры. И поэтому отпадение от Церкви, отчуждение Христа находятся в прямой зависимости от роста бескультурья, от грубости и пошлости нравов. Если мы Церковью именуем представителей церковной иерархии, которых мы встречаем в храме, то, безусловно, батюшки не с Луны падают, они приходят из мира. Соответственно, все меньше и меньше в училищах пастырских будет обретаться нетронутых голубей, Лелей, но все больше «мальчишей-плохишей», которым за малых четыре года не так уж легко отойти от влияния мира, «во зле лежащего». И представьте себе, если учащийся семинарии отпускает пошлые шутки, косо смотрит на лиц женского пола, не брезгует скабрешностью, если у него нет чистоты помыслов и он не радуется об окультуривании, обрабатывании собственного сердца, оно находится у него в полном загоне, заглушенное попсой или роковой (а я бы сказал, «роковой») музыкой, то, надев священные ризы, этот представитель духовенства будет волей-неволей шокировать прихожан и производить разрушительную работу там, где он должен собирать. Это очень большая тревога и боль.

А что этому противопоставить? Конечно, в лучшем смысле элитность духовных школ. Принимая молодых людей в духовные школы, училища (а у нас много прекрасной молодежи), призванные отбирать должны быть сами носителями христианской нравственности и не должны с овечкою пропускать и волка, чтобы в овчарне не поселился герой сказки «Красная Шапочка». Об этом сейчас много думают, что необходимо возвышать уровень — общеобразовательный, интеллектуальный — духовных школ и подлинно образовывать пастырей. Но сказать легко, легче, чем выполнить, потому что здесь особенно острым ребром проблемы является интеллектуальный ценз и доброта сердечная — вещи, не всегда сопряженные друг с другом. И наличие множества замечательных компьютерных программ (а с помощью Интернета можно сейчас достать самую редкую книгу на самом дикий языке) еще не гарантирует нам появления тех пастырей, которые могли бы подписаться под вещими словами Александра Сергеевича Пушкина: «Чувства добрые я лирой пробуждал... и милость к падшим призывал». Это должно быть в сугубой степени присуще пастырю.

Пастырь, отличающийся узколобостью, узостью интеллектуального горизонта или, откровенно скажем, не желающий питать себя подлинным знанием, может уподобиться слепому вождю, который слепых подтолкнет в яму, чему мы свидетели.

В наш беспокойный, наэлектризованный XXI век сколько в церковном обществе поводов для разделения! Очевидно, что враги Церкви, изучающие психологию христианина, этим пользуются, забрасывая в церковный сад какие-то камни преткновения. И именно пастыри, горячие головы, о которых можно сказать словами поэта: «Кипит наш разум возмущенный...», электризуют свою паству, и без того настрадавшуюся от лихолетья XX века, ориентируя на борьбу с пенсионными удостоверениями, медицинскими полисами, учащие ее, паству, высматривать упомянутые три шестерки чуть ли не в декоративных узорах на обоях (умолчу о паспорте нового образца).

То же скажем о необработанности человеческих сердец. В идеале просвещенный пастырь — это как раз человек мирный, кроткий, умеющий обходить острые углы, принципиальный в вопросах веры, но при этом терпимый и умеющий слушать собеседника. К сожалению, в наших духовных школах мы (говорю от имени священников-педагогов) не всегда обращаем должное внимание на наших воспитанников и не учим их этому служению людям — самому трудному образу служения. Как врач должен проявлять бесконечное терпение, мягкость, уметь находить ласковое слово для загнавшего себя в угол пациента и сдерживать чужую

раздражительность своим великодушием, корректностью, так и еще в большей степени священник должен быть бесстрастным. Он не может себе позволить сорвать раздражительность на другом, выплеснуть из сердечной чаши желчь и негодование. Не должен исподлобья, недоброжелательно взирать на подходящего к нему, ибо он, священник, есть образ Небесного Отца, Который, как вы помните по притче о блудном сыне, выбежал загодя и обнял затерявшегося, заплутавшегося, отбившегося от рук сына, победив его своей благодатью.

А язык пастыря? Он может быть только другом ему, но не врагом. Поэтому сегодня, когда во сто крат возросло внимание к священнику (священник уже не в диковинку у нас: появляется и на экране, и в студенческой аудитории, и выходит из стен храма с проповедью), он не может не обращать внимания на свою речь, которая должна быть речью возделанной, культурной, чистой, целомудренной, мудрой, а главное — пронизанной теплом и любовью к человеку. В противном случае батюшка, делающий элементарные грамматические и стилистические ошибки, усвоивший себе молодежный сленг, отвратит от себя многих еще прежде, чем вступит с ними в сердечное общение. И это насущный вопрос пастырской культуры слова.

Кто познал себя, тот — человек

Но вернемся к образу культурного христианина. В чем эта культура? В первую очередь, в нравственных качествах личности. Человек подлинно культурный, возделавший, заквасивший свое сердце любовью о Христе, никогда не будет в тягость ближним, никогда не позволит себе ревности и собственничества, самоутверждения в делах просвещения ближних. Человек культурный должен быть как малое солнце, которое всегда незримым светом кротости, милости, мягкости, благожелательства, приветливости, доброты, внимательности, заботы, предупредительности, тактичности, деликатности, скромности, любви будет согревать сердца ближних независимо от их достоинств и нравственных недостатков. Человек культурный не позволит себе толкать локтями близстоящего в храме соседа, одергивать и делать неуместные замечания новичку, пришедшему в первый раз на богослужение. Человек культурный всегда сохранит то великодушие, благородство, радость в общении с ближним, которые без дополнительных усилий и сил со стороны самого христианина привлекут к нему и чрез него в лоно Церкви всех, кто входит в круг его внимания.

Большинство из нас, действительно, не обладают перечисленными качествами в полноте, поскольку мы далеки от идеала. Этот идеал светит нам и созерцается нами во Христе-Искупителе, Его святых апостолах, в угодниках Божиих, носивших в себе дух Христа-Спасителя. Но вспомним слова апостола: «Кто духа Христова не имеет, тот и не Христов». Поэтому каждый из нас всего прежде должен в свете идеала — Христа — увидеть немощь, ограниченность, безобразие, уродство собственной души. Каждый из нас должен познать себя самого, и прежде всего отрицательные свойства своей натуры. Неслучайно Пимен Великий однажды высказался: «Кто познал себя, тот — человек». А тот, кто пребывает в самообольщении относительно самого себя, уловлен себялюбием, тщеславием, мечтательностью о себе, и не заслуживает еще названия нравственного человека.

Познать свои страсти очень легко: о них нам подскажут наши ближние: прежде всего родственники и коллеги — те, с кем мы общаемся бок о бок ежедневно. Услышав о себе нелюбимую правду, высказанную в глаза или за глаза, не спешите кипятиться, обижаться и закупоривать себя в бутылку оскорбленного себялюбия. Но, взвесив своим умом (на то он нам и дан) все сказанное, нужно найти в нем рациональное зерно. Сказать легко, а выполнить труднее. И убедившись в частичной правоте критики, нами услышанной, необходимо начинать трудиться над самим собой. Внимание к себе, самоконтроль, всегдашнее памятование о своих

болезнях и, конечно же, постоянная сердечная молитва к Господу Богу, от Которого, по выражению псалмопевца Давида, «стопы человеческие исправляются».

Не думайте, что за месяц можно достигнуть совершенства. Какие-то явные, несообразные в подлинном христианстве явления, как то: нечистый образ жизни, скверная брань, безобразная раздражительность, делающая нас чудовищами или посмешищами в очах ближних, должны быть отсечены с самого начала. Но корни, терния страстей — вот над этим нужно будет трудиться с кровавым потом и горькими слезами, исповедальными вздоханиями в течение многих и многих лет.

Однако, чтобы не обескуражить и не огорчить наших читателей, скажем: есть замечательное средство в этих трудах по окультуриванию собственного сердца. Это средство именуется любовью к ближним. В чем оно проявляется? Прежде всего в том, чтобы перестать их осуждать. И действительно, глубоко был прав замечательный духовный писатель XX века игумен Никон (Воробьев), который представлял себя и своих ближних инвалидами одной и той же больничной палаты. И если сам ты лежишь бездвижным на одре, нога твоя скована в гипсе, то стоит ли смеяться над человеком, у которого правая рука на перевязи? Если у тебя недостает уха, то что осуждать того, у кого поврежден нос? Все мы в этом отношении — собратья по несчастью. И поэтому панацея от многих бед, коллизий, столкновений, конфликтов — милостивое, благодушное, как раньше говорили, «философское» отношение к соседям. Святитель Игнатий (Брянчанинов) указывает на еще одну кардинальную ошибку, которую мы часто совершаем в общении с ближними. Это внутренний максимализм и категоричность, требование или, по крайней мере, ожидание от ближнего нравственного совершенства. Искусственно завышая эту планку, мы всегда будем огорчены, обескуражены опытом живого общения с людьми, которые столь же далеко отстоят от виртуального совершенства, как и ты сам. Почему и напоминает наш великий святитель один из главнейших законов человеческого общения. Закон этот дарован самим Господом Иисусом Христом для тихого и безмолвного жития людей собранных, объединенных многоразличными узами — родственными, дружескими и прочими.

Что же это за закон? «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов». «Носить бремена друг друга» — это значит реально видеть недостатки людей, но при этом не осуждать самих людей, отделять болезнь от больного. Пациента жалеть, а об исцелении недуга молиться. Итак, если мы будем всегда содержать в памяти общую нам человеческую немощь, если будем учиться видеть в окружающих их достоинства и сильные стороны и благодушно относиться к их недостаткам, впрочем, не попуская и не потакая им, то, может быть, мы заслужим наименования культурных людей.